

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХЛЕБОВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

№ 461

15 сентября 2019 г.

18 СЕНТЯБРЯ - ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРОР. ЗАХАРИИ И ПРАВ. ЕЛИСАВЕТЫ, РОДИТЕЛЕЙ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

Святые праведные Захария и Елизавета, память коих совершается ныне, были родителями Иоанна Предтечи. Захария был священник иудейский, Елизавета была сестра Анны, матери Пресвятой Девы Марии. Они были праведны пред Богом, но до старости не имели детей и очень горевали об этом, потому что у иудеев думали, что кто не имеет детей, на том нет благословения Божия. Наконец Господь услышал их молитву. Ему угодно было разрешить неплодство Елизаветы. По предсказанию ангела, явившегося Захарии во храме по правую сторону жертвенника кадильного, Елизавета родила сына Иоанна, который был предтечею и крестителем Господним. Об этом подробно повествуется в начале евангелия от Луки. Во время избиения Иродом детей в Вифлееме и окрестностях его, св. Елизавета с младенцем Иоанном укрылись от убийц в расщелине горы, но Ирод требовал от Захарии, чтобы тот выдал ему своего сына. Так как Захария не исполнил этого безумного и жестокого требования, то за это, по повелению Ирода, сам был умерщвлен между церковью и алтарем. Скоро после этого скончалась и мать Иоанна св. Елизавета.

Родители для блага детей своих готовы жертвовать не только своим имуществом, но здоровьем и самою жизнью, они питают к детям столь сильную любовь, что она готова на всякие жертвы ради временного и вечного счастья своих детей. Об этой-то родительской любви мы и побеседуем в настоящем раз.

Любы долготерпит, любви милосердствует, говорит св. апостол Павел. И если какая любви долготерпит, если какая милосердствует, то это – любовь родительская.

а) Чего не простит отец своему сыну? Как тяжко оскорбил Авессалом Давида – отца своего, возстав против него с мятежниками подданными? Но послушайте, что говорит Давид своим военачальникам: «сберегите мне отрока моего Авессалома» (2Цар. 18, 5). Поистине, родительские объятия не закрыты и для блудных детей. Каких трудов не предпримет, каких лишений не понесет родитель для своих детей?

б) Нет той жертвы, которую бы не принесли родители для детей своих; во всем, иногда самом необходимом, они себе отказывают, и не пьют, и не едят, и все это для того, чтобы дети их были сыты, ходят разувшись и чуть не раздевшись, чтобы дети их были одеты и обуты.

Невольно нам припоминается здесь следующий, заимствованный из истории,

трогательный пример отеческой любви к детям. В злополучный день 390 г. по Р. Хр. в г. Фессалонике по приказанию императора Феодосия за мятеж было избито в цирке около 7000 человек без различия, кто из них был виновен, кто нет, кто гражданин, кто иностранец. Рассказы об этом избиении изобиловали в высшей степени трогательными случаями. Один из них помнился особенно долго: один несчастный отец взял с собою в цирк двух своих юных сыновей. Когда убийцы дошли до него, то ему удалось тронуть их и убедить сохранить для него, по крайней мере, одного из двух мальчиков. Но когда ему приказано было сделать свой выбор между ними, то сердце изменило ему: он не мог избрать одного из собственных сыновей, для того чтобы отдать другого на умерщвление: они оба были одинаково дороги ему. Тогда он отдал их обоих вместе с собою мечу зверских убийц. (См. соч. Фаррара: «Жизнь и труды святых отцев и учителей церкви», изд. 1891г. стр. 556).

О! забвенна буди десница сына или дочери, если они забудут болезни и труды, заботы и любовь, бессонные ночи, неустанные труды своих родителей.

в) Но нигде с такою поразительною силою не выражается родительская любовь, как при болезни детей. Сколько горести слышится в словах отца: «Господи, помилуй сына моего, он в новолунии беснуется, тяжко страждет; часто бросается в огонь и часто в воду. Я приводил его к Твоим ученикам, но они не могли исцелить его» (Мф. 17, 14, 15, 16). Или какой раздирающий душу вопль вырывается из души хананейки: «помилуй меня, Господи, Сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется!» Дочь страдает; но еще более страдает мать, почему и говорит: «помилуй меня, Господи». Для родителей нет большего несчастья, как болезнь детей. Дети болят, и все им не мило, ничто не радует. Не просветить свету солнечному мрачного лица родителя, у которого сын болят. Слезами он встречает день, слезами и провожает. И когда милосердый Бог услышит молитву и воздвигнет болящего, кто опишет радость родителей?

г) Тяжелы для родителей телесные болезни детей и верно родительское слово: лучше бы я болел, чем дети мои. Но нрав-

ственные болезни детей несравненно тяжелее. Первые не делают безчестия родителю; последние безчестят родителей. Для родителей нет более позора, как иметь порочных детей. «Студ отцу не наказан сын» (Сир. 22, 3). «Отрок заблудший срамяет родители своя» (Пр. 29, 15). Телесные болезни возбуждают сочувствие к родителям, и они со всех сторон слышат слово участия. Пороками детей худые люди прямо упрекают родителей. Хороши, говорят, дети твои!.. А до-

брые, хотя и сочувствуют родителям, но этого сочувствия своего не высказывают; ибо в самом деле, как сказать родителям: как жаль, что у вас дети плохи? Не будет ли это им тяжело слушать? И вот несчастный родитель ни откуда не встречает слова сочувствия; и сам не смеет высказать свою скорбь другим. Он таит ее в глубине сердца своего, дает обеты, зовет на помощь угодников Божиих, и к Богу вопиет: услыши мя, Господи! вонми гласу моления моего. Но то беда: телесные болезни исцеляются иногда чудесно, по молитве и вере молящихся. Опасно дитя болят; вот и врачи отказались и приговорили к смерти; но молитва веры спасет болящего и воздвигнет его Господь от ложа озлобления. И как часто бывает это! Не то бывает с душевными болезнями, со страстями. Тут исцеление зависит сколько от Божией благодати, столько и от собственной воли страждущего, – от свободной воли человеческого существа, которую Господь, дав однажды, не желает отнять. Если не захочет порочный исправиться, не помогут молитвы родителей. Увы, иному родителю в горести душевной часто приходится говорить с премудрым сыном Сираховым: «плачь, плачь над умершим; ибо свет исчез из него. Плачь над глупым, ибо разум исчез у него. Меньше плачь над умершим, ибо он успокоился, а жизнь глупаго хуже смерти. Плачь об умершем семь дней, а о глупом и нечестивом все дни жизни его» (Сир. 22, 9–11).

Да вразумит Господь детей ценить любовь родителей и да спасет Он родителей от несчастья иметь непослушных и испорченных детей!

Прот. Григорий Дьяченко

«ТЯНЕТ К СТАРОЙ ВЕРЕ»

На другой день (23 апреля) я с своим хозяином Василием Николаевичем на паре его лошадей приехал в село Устиново. 23-е апреля – престольный праздник в этом селе, и приход называется Георгиевским. Судя по этому, можно было ожидать большого стечения народу, – но народа было в церкви очень мало. Еще едучи в Устиново, я удивлялся не мало, что народ во многих домах, сидя под окошками, пьет чай. В церковь пришел человек 50 мужчин, женского пола до полутора, – больше девушек. Об моем приезде священник предупредил прихожан, т. е. собственно интересующихся делом. Перед обедней я побеседовал, – показывал книги старопечатные, и грамотеи сами читали указанные мною важные места в книгах. За обедней сказал проповедь о вечности церкви и о таинстве причащения.

Собеседников интересных не было. Из местных обличителей раскола известен тамошний церковный староста Василий Гаврилов. У него есть книги, необходимые для вразумления заблуждающихся. Он читает из этих книг народу в промежутках между утрениями и обеднями.

После обеда священник проводил меня в деревню Губино, самую обильную староверами в Георгиевском приходе. Приехали к церковному старосте, тому самому Василию Гаврилову, о котором сейчас упомянуто. Он ходил приглашать местных влиятельных старообрядцев, Павла Федотова и Грушина, не желают ли они побеседовать с миссионером. Но они не пришли, извиняясь тем, что время праздничное, – не могут оставить своих гостей. Итак, беседы многлюдной и с участием начетчиков не могло состояться, потому что в редком доме не было гостей и редкий гость, и хозяин были трезвы. От старосты Василий Николаевич повел меня к своему родственнику Лаврентию Филиппову. В числе гостей был отставной солдат Нил Павлов. Он мне очень понравился, степенный мужик, – угощался одним чаем, вина не пил. Хозяин указал мне на него, как на сомневающегося. Из разговоров с ним я узнал, что он только года с два как отбился от церкви, но окончательно еще не пристал ни к одной из многочисленных «старых вер». Интересно, что Нил Павлов прежде был одним из самых ревностных посетителей храма Божия, и священника не чуждался, даже водил с ним дружбу, бывал у него гостем и его принимал у себя как гостя; но...

– Года с два как тянет меня к старой вере, – признавался Нил Павлов, – кажется мне, что здесь все лучше!

«Тянет к старой вере» не одного его. Поговорите с кем-нибудь из крестьян той местности, где есть раскол, и вам расскажут не один случай, что иногда самый лучший с виду прихожанин церкви кончал переходом в «старую веру». Причины: там – служба дольше идет, все – по уставу, кафизмы вычитываются, канон вычитывается, не позволяется в моленной разговаривать... Выходит: наша слабость есть сила раскола. Беда в том, что у нас есть храмы, где служба идет богатырскими шагами. Все куда-то спешат, куда-то торопятся: все желают служащие угодить тем, для кого служат... А прихожане вообще-то недовольны короткой службой, и иные бегут в раскол именно к продолжительной, «уставной»

службе. Значит, угождают таким, для которых все равно, хоть бы и никакой службы не было. В Москве один знакомый старообрядец по австрийскому священству, в откровенной беседе, вот что между прочим говорил мне: «Пожалуйста, вы не думайте, что мы все глупы (чего я и не думал и не думаю). Ведь вот я понимаю, что правда на вашей стороне. Когда читаю ваши рассуждения, или миссионерские беседы, я весь ваш, я вполне соглашаюсь с вами, что у вас церковь, а мы действительно раскольники. Но когда я из области мысли и книг вступаю в область жизни, то вижу, что большинство наших лучше большинства ваших. Когда я читаю рассуждения ваших ученых, доказывающих, что никоновское исправление богослужебных книг не могло испортить православной веры, я вполне признаю это; но вот я вхожу в вашу церковь, чтоб посмотреть вашу веру, и в смущении выхожу вон, так как вижу, что даже и своего-то, никоновского устава и обряда у вас не исполняют. Сказать ли вам? Я раз было совсем оставил старообрядчество и уже пришел прощаться к своему попу; да тот спросил у меня: а не будешь ли тужить по нас? Я и остался в теперешнем положении: ни старообрядец, ни ваш... Головой, умом и рассуждением я весь ваш; но мое чувство против вас и в старообрядчестве оно находит себе успокоение. И вот, несмотря на то, что я вижу всю незакононость нашего положения, я все еще старообрядец, и чем кончу, не знаю сам»... Это признание в высшей степени характерно и интересно.

Кстати уж, – вот что мне рассказывал один из московских же единоверцев: «Двое знакомых, – один православный, другой старообрядец, – долго спорили, чья вера истинная; старообрядец предложил наконец: пойдем, обойдем 40 церквей и будем глядеть: умеют ли попы ваши креститься? Пошли, – в первой церкви священник еле доводит руку до носу, – тяжела рука, не донесет до лба! не умеет лба перекрестить! Православному досадно, обидно, стыдно; раскольник рад и толкует ему, почему это поп не может правильно перекреститься: «антихрист связал руку, потому и не может поднять ее до чела... и вообразить истинный крест Христов». Идут дальше, – и в других церквях все тоже; в иных еще и хуже. Обошли 8 церквей, – раскольник радуется и толкует по своему, что такое значит, что попы не умеют креститься; православный смутился, в другие церкви не пошел и смотрел, да и совсем оставил церковь, ушел в старую веру... Само собою разумеется, что за недостатки и небрежность частных людей, даже и священников, отделяться от церкви не разумно и грешно; однако надо бы и нам побольше иметь сострадания к слабой совести людей. Слишком трудного подвига мы требуем от простолюдия, чтобы он усмотрел православную церковь, не глядя на наши папиросы, воротнички и тросточки, особенно на наше неумение перекреститься истово и нашу небрежность относительно точного исполнения устава в церковных службах... Великое дело – чувство, религиозное чувство! Оно-то и тянет Нила Павлова в старую веру. Я не стал, и никогда не стану, да и не могу порицать и отрицать то, что есть в старообрядчестве хорошего. Хорошее везде хорошо, – и в

старообрядчестве, конечно, так же, как и в нашей церкви. Я высказал все свое ощущение старообрядческой твердости в вере, их усердие к службе и уважению к церковным уставам. Но я всегда разъясняю, и Нилу Павлову вместе с прочими слушателями старался разъяснить, что у старообрядцев, при всем их желании быть верными вере отцов, во многом и самом существенном эта вера отцов нарушена. В пример был взят вопрос о числе просфор.

Я говорил:

– Когда при патриархе Никоне наименьшее число просфор на проскомидии было указано пять, а не семь, то родоначальники нынешних старообрядцев этим страшно возмутились: как-де смели убавить две просфоры?! Им, было жаль расстаться с двумя просфорами. И донес старообрядцы все еще не могут успокоиться, – все еще горюют по убавленным двум просфорам. А о чем горюют? – Бог их ведает. Я спрашиваю у иных: почему же непременно нужно семь просфор, а нельзя пять? Отвечают: семью хлебами Господь насытил четыре тысячи человек. – Ну, так что ж? – действительно семью хлебами Он насытил четыре тысячи человек; об этом сказано в 15-й главе Евангелия от Матфея (зач. 64), – это верно; но если поэтому требовать, чтобы на проскомидии было семь просфор, то от чего же не требовать, чтобы их было пять? – ведь и пятью хлебами Он же, Спаситель, насытил пять тысяч человек? Об этом писано у того же Евангелиста Матфея в 14-й главе (зач. 58). Видите, было два чуда: в один раз Христос пятью хлебами, в другой – семью наплатил великое множество народа.

Нил Павлов сказал: значит, оба числа священны, так что и на пяти просфорах позволительно совершать обедню?

– Разумеется! – ответил я, – можно приносить на проскомидию и пять, и семь, и сколько угодно больше. Видали, конечно, сколько приносят просфор на литургии для поминовения родных, живых и умерших!

– Зачем же тогда устав: то семь, то пять просфор?

– Вот зачем: больше – сколько угодно, а меньше нельзя; хоть бы никто из прихожан не подал на проскомидию, хоть бы во всей церкви только и было народа, что священник да дячек, и то должно быть пять просфор или семь (где какой устав), – меньше нельзя.

– Больше – сколько угодно, а меньше положенного нельзя?

– Да. Но семь ли, пять ли просфор, обедня одинаково совершается. Решительно все равно, что семь, что пять. Потому что, – вы не удивляйтесь, – литургия никогда не совершилась и не совершается и не будет совершаться ни на пяти, ни на семи, ни на десяти просфорах, – но всегда на одной.

– На одной?!

– На одной... И не только после Никона, но и до Никона всегда таинство причащения совершалось на одной просфоре, потому что пример и закон так совершать его преподавал нам сам Господь Иисус Христос. Тайная вечеря, совершенная Им в четверг, накануне Его крестных страданий, есть первая обедня. Обедня то же, что вечеря. И когда причащаемся, мы говорим: «Вечери твоя тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими». Вечно одна и та же тайная вечеря, и один совершитель

таинства, — Господь Иисус Христос. А как Он совершил первую тайную вечерю, — по-нашему первую обедню? В Евангелии вот что об этом поведано: Ядущим же им (Апостолам), прием Иисус хлеб, и благословив преломив, и дающе учеником, и рече: приимите, ядите, сие есть тело Мое (Мф. 26:26). Слышите? — прием хлеб, — не хлебы, пять или семь, но хлеб, — один. Этот хлеб становится телом Христовым. Сие есть тело Мое, — сказал Он. Тело же у Христа едино. Посему на причащение употребляется одна только просфора. Да и мы все, которые причащаемся этого хлеба небесного, которые принимаем в себя Христа, должны помнить, что хотя нас и много, но во всех нас один Христос; все мы части одного тела — Христовой церкви, которая также одна: ибо «все, по Апостолу (1Кор. 10:17) от единого хлеба причащаемся». Вот почему всегда на причащение употребляется ни больше, ни меньше, как одна просфора. Выбрать ее из пяти, из семи — не все ли равно?...

— А что же другие просфоры означают? — спросили мои слушатели, — зачем еще четыре (в пяти) и шесть (в семи)?

— Вы запомните это хорошенько, — ответил я, — первая просфора, — из семи ли ее выбирать, или из пяти, — и она одна, употребляется на причащение. И священнику строго наказано, чтобы причащал непременно этою одною, в тело Христово преложенною, просфорою, и чтобы всячески опасался, как бы не причастить частицу из других просфор. Все это потому, что на первой просфоре и на ней одной совершается таинство Евхаристии; она именно прелажается в тело Христово. Вторая просфора назначена для того, чтобы из нее вынимать частицу в честь Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии; третья — чтобы вынимать частицы в честь святых разных чинов. И так в обоих случаях, — служат ли на семи, или на пяти просфорах. Разность начинается далее и состоит в том, что когда служат на семи просфорах, то поминают о здравии: за четвертой — священство, за пятой — царствующий дом, за шестой — всех православных христиан; а когда служат на пяти просфорах, то и священство, и царство, и мирян поминают о здравии из одной четвертой. В этом и вся разница. Из седьмой же и пятой просфоры одинаково вынимают частицы за умерших. Можно ли, рассудите, из-за такой незначительной разности не ходить за обедню в православный церкви?

Собеседники молчали. Я продолжал:

— Говорят иные, что никак нельзя помянуть из одной просфоры все три чина — священство, царство и народ, потому что будто бы этим самым как-то смешиваются чины. Но... разве для Бога не все равно, кто ты: царь ли, священник ли, или простой человек? У людей есть чины; у Бога нет. Говорят, что нельзя смешивать чинов, а сами забывают, что на седьмой, заупокойной, просфоре поминаются вместе всякие чины: и священство, и цари, и народ. Скажут, что есть разница между живыми и мертвыми? Но опять-таки эта разница есть только для нас живых людей; для Бога же нет мертвых. Читайте в 91 зачале Евангелия от Матфея, что сказал Спаситель: Бог нест Бог мертвых, но живых. У Бога все живы. Если за упокой можно помянуть и священство, и царство, и народ над одной просфорой, то конечно и за здравие эти чины можно помянуть

над одной же просфорой. Так мы и делаем. И так соразмернее: одна просфора за умерших, одна же и за живых.

— Но ведь правильно и на семи просфорах служить: зачем же было изменять этот устав?

— Затем, — говорю, — чтобы во всем быть в согласии с остальными православными народами. У всех православных на проскомидии употреблялось пять просфор; даже в Киеве было так, когда у нас на Москве служили на семи: вот и ввели единообразие во всей православной церкви. Спорить и тогда было не из-за чего, и тем больше нечего спорить теперь! Понятно ли я говорю?

Возражений не было. Нил Павлов выразил даже удовольствие, что теперь узнал, в чем дело. Он признался, что много недоумений и смущений в народе от малознания; а наставить — некому.

— А зачем на ваших печатях переменил крест (осмиконечный на четырехконечный) и зачем отменена подпись: «се агнец Божий, вземляй грехи всего мира»? — спросил старик Григорий-глухой.

Я ответил:

— Если на просфоре будет напечатано: «се агнец Божий», то что это будет означать? — То, что эта просфора знаменует собою Христа Спасителя, названного от Иоанна Крестителя Агнцем Божиим. Но одна только просфора может быть так названа, — именно та, из которой причащаемся, а не всякая. Значит такое наименование «агнец Божий» не ко всякой просфоре идет, а только к одной. Если же всякую называть «агнцем Божиим», то выйдет, что будто бы не один Христос Агнец Божий. Крест же четвероконечный потому лучше печатать на просфоре, особенно той, которая назначена для агнца, что она разрезается на четыре доли, или части, — прямо по линиям креста, и сами эти части располагаются так, что образуют четвероконечный же крест; а крест восьмиконечный чрез это не отвергается.

Говорили потом о хождении по солону. Между прочим, я сказал:

— Если кто слишком дорожит тем, чтобы непременно идти за солнцем, тот должен знать, что это светило, сотворенное Богом для того, чтобы во вселенной было светло и тепло, некогда угаснет, — придет и такое время.

Дедушка Григорий возразил, что этого быть не может.

— Как, — говорю, — быть не может? Ведь сказал же Господь, что пред кончиною мира солнце померкнет (Мф. 24:29)? Да и что такое солнце, чтобы так неотступно идти за ним человеку? Ведь, если сравнивать, то перед ним, дедушка Григорий, твоя душа дороже.

Дедушка Григорий обиделся за солнце.

— Как? солнце, от которого вся жизнь на земле, которому Бог велел сиять до скончания мира, это солнце красное, — ты говоришь, — ничего не стоит?!...

— Не так, дедушка! Я не сказал, что солнце ничего не стоит. Я сказал, что душа человека такое сокровище, что дороже и самого солнца. Не за небо, не за солнце и звезды, и не за землю, а за твою душу грешную пролил на кресте свою кровь Господь Иисус Христос. И когда он страдал за наши грехи, то солнце померкло, земля потряслась со страха. Весь мир не стоит единой человеческой души, а не то, что одно солнце. Кончится этот свет, не будет этого солнца, а душа твоя будет, потому

что бессмертна она и вечно будет жить. За кем же ей идти на том свете? Ведь этого солнца там не будет... Все это я говорю к тому, чтобы объяснить вам, что не за этим видимым солнцем, или не по этому видимому солнцу мы идем, когда крестим, например, младенца, а за Христом и по Христу, Солнцу правды. Это Солнце не зайдет никогда; это Солнце вечно будет сиять. И день, когда светло от Христа, будет без вечера — бесконечен. Вот за этим-то Солнцем идут, когда ходят «посолонь».

Григорий и прочие слушали с большим любопытством это объяснение посолонья. Я продолжал:

— Что же значит, если я иду, например, вокруг церкви в крестном ходу, или при крещении младенца, не «посолонь», а на встречу солнцу? Опять и прежде всего, помните, что об этом солнце, которое ходит по небу, церковь при этом не думает: она идет на встречу Христу, Солнцу правды.

— Но что же это означает «на встречу солнцу»? —

— То и означает, что встречаем Христа. Разве худо делает хозяин, когда встречает дорогого гостя? Нет хорошо он делает. И мы хорошо делаем, как бы выходя на встречу Христу, Царю небесному. Господа Иисуса Христа сняли со креста, обвили плащаницами (благобразный Иосиф с Никодимом) и положили во гробе новом. Было это в пятницу. Наше истинное солнце — Христос Бог наш зашел во гроб... Но вот в светлое воскресенье, ранним утром, оно возшло: «из гроба красное нам воссия солнце». Как жених из чертога вышел Христос из гроба. Мирносоицы жены пошли помазать тело умершего Иисуса драгоценными мазями, — но вместо умершего встретили воскресшего Господа: оказалось, что они вышли ему на встречу. И теперь церковь, невеста, идет справа налево — на встречу своему Солнцу, Христу, Жениху своему. Что же тут плохого?

— Значит, и то и другое хорошо? — спросил Нил Павлов.

— Я думаю, что и по солнцу, и на встречу солнцу одинаково хорошо ходить «вокруг церкви».

— Толкуй ты! Все-то у вас перепорчено, всю веру разорили! — вдруг совершенно неожиданно заключил Григорий. Встал, взял в руки картуз, и ушел.

— Пойстой, дед, побеседуем еще.

Но он ушел и больше не приходил. Объясняли мне, что он по глухоте не все мог слышать, от того и ушел... Не знаю, но я был крайне удивлен: человек все как будто понимал что говорилось, соглашался, и вдруг это: «все-то у вас перепорчено!»...

Из собеседников, кроме этих двух, Нила Павлова и Григория глухого, я запомнил хорошо еще Семена Андреева. Он из деревни Вахрушева, соседнего Бесединского прихода, скромный, молчаливый мужичок, лет под сорок. С великим интересом он слушал, изредка лишь задавая вопросы. Когда шла речь о необходимости для всякого христианина причащаться тела и крови Господней, он сказал с сокрушением: «А мы-то? Я и не помню, когда причащался! Должно быть, когда маленьким был, мать причащала; а сам — и не помню, чтобы когда причащался». — Он звал меня в Вахрушево и к себе на дом.

Поздно, часов в 10, уехал я из Губина в Домшино.

Из книги: «Записки миссионера Вологодской епархии» (1891). И.В. Полянский.

Расписание богослужений с 16 по 22 сентября 2019 г.		
16 сентября Понедельник	Сщмч. Анфима, еп. Никомидийского	
17 сентября Вторник	Свт. Иоасафа, еп. Белгородского	
18 сентября Среда	Прор. Захарии и прав. Елисаветы, родителей Иоанна Предтечи	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
19 сентября Четверг	Воспоминание чуда Архистратига Михайла, бывшего в Хóнех (Колóссах)	
20 сентября Пятница	Мч. Созонта	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
21 сентября Суббота	РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия. <i>/все священнослужители/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
22 сентября Воскресенье	НЕДЕЛЯ 14-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ Прп. Ио́сифа, игумена Во́лоцкого, чудотворца	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия. <i>/все священнослужители/</i>

РАЗВЕИВАНИЕ МИФОВ

86) Если по неведению отпеть живого человека или поставить за него свечу за упокой, то его ждут неприятности.

Бог не является безликой машиной, механизм, Бог – Личность, Отец Наш Небесный, Он Свят, то есть абсолютно чужд всякого зла и Премудр, то есть поступает всегда наилучшим образом. Наивно считать, что Бог действует механически, ведь Он видит сердце человека, знает наши мысли и намерения и желает нам спасения.

87) Святая вода приобретает необычные свойства из-за ионов серебра, исходящих от ёмкости или креста.

По этому поводу есть такой анекдот: «Сколько ионов серебра содержится в литре освященной крещенской воды, если освящение проводилось в проруби, вырубленной во льду на Волге (как это

бывало обычно до революции и практикуется сегодня), в месте, где ширина реки достигает километра, глубина – десяти метров, скорость течения – 5 км/час, а крест, которым деревенский батюшка освящал воду, – деревянный?»

Освящение воды в Таинстве Крещения вообще совершается просто рукой священника: он крестообразно дует на воду и, погружая в нее персты, трижды осеняет воду знаком креста. И, тем не менее, эта вода имеет все свойства, которые должна иметь святая вода.

88) Антихрист – воплощённый сатана.

Антихрист – это человек, еврей из рода Данова. Время его мирового правления будет составлять 3,5 года.

89) В монастырь уходят от житейских проблем и несчастий.

По словам Патриарха Алексия II, «в монастырь не уходят, а приходят». Монашество – не место, а призвание, призва-

ние Божие для любящих молитву и стремящихся к полной самоотдаче на пути к спасению.

А искушений у монахов ничуть не меньше, чем в миру. Духовная борьба в монастыре (если это, конечно, не просто трудовая артель, а настоящий монастырь...) несравненно напряженнее, чем в миру.

90) Еретики – это меньшинство, которое было подавлено большинством.

Меньшинство признавало сторонников святителя Афанасия Великого во время арианской смуты, Максима Исповедника времен монофелитства, Феодора Студита, открыто выступавшего против императора и патриарха.

Очень яркий пример – флорентийская уния. Марк Эфесский оставался единственным истинным епископом в Византии. Но большинство православных его не поддерживали, потому что были в общении с еретиками.

Из книги "90 наиболее популярных мифов о Боге, вере, Церкви и духовной жизни"

«С ним есть в скорби» (Пс. 90, 15)

О том, как трудные обстоятельства способствуют обращению к Богу, знают все. Приведу рассказ своей давней знакомой, ныне почившей. Она очень просила Господа сохранить на войне ее мужа. У нее росли мальчик и девочка. Все очень ждали отца с фронта. А.В. молилась о спасении своего мужа. Даже тогда, когда получила похоронку. И он вернулся. Раненый, с трудом передвигавший ноги (был ранен в ноги), но живой. Она вспоминала об этом времени не раз;

«Молилась я за него день и ночь. Что бы ни делала, а в уме все его держала

и о нем молилась. Казалось мне, что и во сне я за него молюсь. И вот раз такой бой был, кажется – все полегли. Немцев во много раз больше было, чем наших. Ранило моего Ф., встать не может. Стал ползти. Бой стихает, только слышит он – то впереди пуля прожужжала, то справа. Видят, значит, что он жив, добить хотят. А ему так домой, к семье, хочется! Вырос он в нецерковной обстановке, молиться не умел, но мне ничего не говорил, не мешал молиться и в церковь ходить. В этом отношении мое мнение считал непререкаемым и авторитетным. Когда понял, что за ним охотятся, мысленно обратился ко мне с просьбой: «Хоть бы ты обо мне помолилась». В ответ короткая и четкая, как приказ, фраза: «Не двигайся!» Кто сказал? Откуда она? И как не двигаться, ведь хо-

чется, чтобы свои видели, что еще жив, подобрали. Но нельзя не послушаться этого голоса-приказа: «Не двигайся!» Помимо всех рассуждений он чувствовал, что в этом его спасение. Замер. Лежит, как убитый. Стрелять перестали. Лежит до наступления темноты. Кажется, что вот-вот потеряет сознание. Послышались приглушенные голоса. Чьи? Так хочется услышать свою родную русскую речь. Кажется, наши! Из последних сил решил крикнуть: «Братцы, я живой!» Получился невнятный шепот, но и его услышали наши санитары. Взяли, отправили потом в тыл, откуда он долго не мог дать о себе знать, связь была нарушена. Немного окреп и вернулся домой к общей радости».

Из книги: "Их молитва была услышана". Монахиня Варвара (Пильнева).